Об исторической основе обращения черкесских общественных организаций

Ответ АРИГИ им.Керашева на запрос Члена Совета Федерального Собрания России Кажарова А.Х. об исторической основе обращения черкесских организаций Адыгеи, КЧР и Краснодарского края к Президенту РФ и Федеральному Собранию РФ

Отношение Александра II к изгнанию черкесов.

24 июня 1861 г. Александр II издал рескрипт на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-адъютанта Евдокимова, в котором весьма четко обозначил курс на полное изгнание черкесов и аннексию их страны.

В рескрипте Александр писал: «Ныне, с Божьей помощью, дело полного завоевания Кавказа близко уже к окончанию. Остается несколько лет настойчивых усилий, чтобы совершенно вытеснить враждебных горцев с занимаемых ими плодородных стран и навсегда водворить на сих последних русское христианское

население». (Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848 – 1874). Ч. 2. Нальчик: «Эль-Фа», 2003. С. 80 – 81).

10 мая 1862 г. Александр II издал «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». Положение четко определило границы той территории, которая оставлялась для расселения черкесов (см. примечание пункта 2):

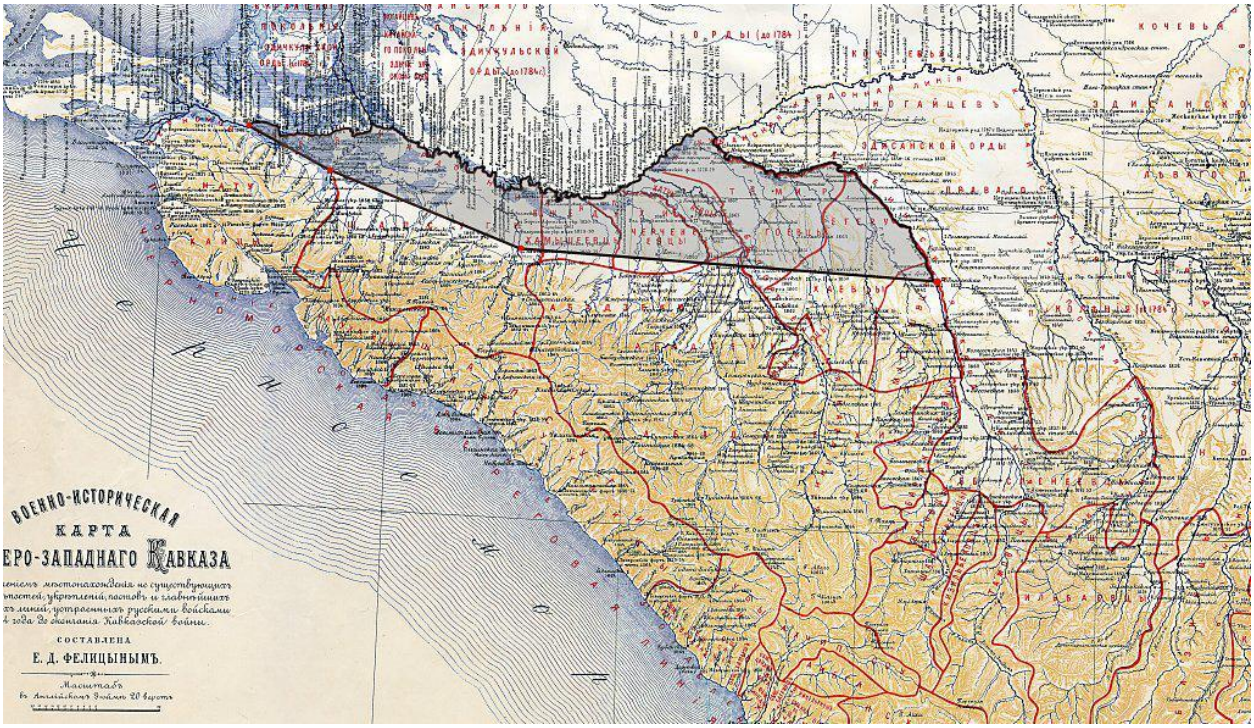
«1. Предгорья Западной части Кавказского хребта занимаются казачьими станицами, с целью окончательного покорения горских племен, остающихся нам враждебными.

2. Границами пространства, назначаемого для новых казачьих поселений Кубанского войска, полагаются: к югу и западу гребень главного Кавказского хребта, от верховьев Малой Лабы до истоков р. Пшиша, а далее берег Черного моря от устья реки Мокупсе до устья р. Кубани; к северу – низовья р. Кубани и Адагума и далее прямая линия от Адагумского укрепления до укрепления Дмитриевского, а от сего последнего до р. Большой Лабы против станицы Родниковской; к востоку р. Большая и Малая Лаба.

Примечание. Пространство между северной границей вновь назначаемых для казаков земель, р. Кубанью и нижней частью р. Большой Лабы назначается для поселения тех горских племен, земли которых поступят под наши казачьи поселения.

3. Пространство, означенными границами определенное, заключая в себе по приблизительному исчислению около 1,360,000 десятин земли, удобной для занятия казачьими станицами...».

(Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казакам и другими переселенцами из России. Екатеринодар, 1899. С. 2).



Согласно «Положению…», для расселения черкесов отводилась узкая полоса ближайшего Закубанья, которую мы обозначили затемнением на карте Е. Д. Фелицына. (Прилагается).

Почти все пространство западного сектора столь щедро выделенной территории занимают болота. Остальная часть этой «резервации» и так исторически была заселена черкесами нескольких феодальных владений. При необходимости сюда могло поместиться некоторое число «горцев»: термин горцы взят в кавычки, поскольку

благодетельное распоряжение императора лишало земли не только горцев, но и огромную массу равнинного населения Черкесии.

Фактически, ни рескрипт 1861 г., ни «Положение…» 1862 г. не предусматривали выделение хоть сколько-нибудь существенной земельной компенсации для подавляющего большинства равнинного и горского населения Черкесии, которое согласно этим законам лишалось своих исконных земель.

Эти указы Александра II прямо ориентировали военное командование на Кавказе не просто изгонять черкесов, но изгонять их именно в Турцию.

Великий князь Михаил Николаевич, командующий Кавказской армией, сообщал своему царственному брату: «Непременным условием окончания этой войны должно быть совершенное очищение восточного Черноморского прибрежья и переселение горцев в Турцию». (Отзыв командующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича военному министру // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи. Сб. архивных материалов. Нальчик, 2001. С. 264).

В ноябре 1863 г. последовало особое распоряжение Александра II командующему войсками Евдокимову: «Совершенно необходимо довести границу русских поселений по берегу до реки Бзыбь, ибо в противном случае и небольшая часть горцев, оставшихся на берегу, на каких бы то ни было условиях будет в случае внешней войны составлять приманку для наших неприятелей».

(Отношение начальника Главного штаба Кавказской армии Карцова командующему войсками Кубанской области Евдокимову // Проблемы Кавказской войны… С. 233).

Эти документы со всей очевидностью показывают нам, что на изгнании черкесов настаивал лично император Александр II. Симптоматична и реакция императора на завершение процесса депортации («очищения»).

В марте 1864 г. великий князь Михаил Николаевич докладывал: «Все пространство северного склона к западу от р. Лабы и южный склон от устья Кубани до Туапсе очищены от враждебного нам населения». На документе рукой императора Александра II начертано: «Слава богу». (Отношение генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича военному министру о завершении заселения предгорной зоны и об успешных действиях Даховского и Джубгского отрядов // Проблемы Кавказской войны… С. 260).

21 мая 1864 г. великий князь Михаил Николаевич во Всеподданнейшем рапорте сообщал своему брату: «Считаю себя счастливым всеподданнейше донести В. И. В., что война Кавказская окончена и что на всем пространстве западного Кавказа не осталось ни одного общества В. Вел. непокорного. Если несколько десятков одиночных семейств или небольшие шайки бездомных бродяг и могли укрыться в лесах от войск наших, то для уничтожения их будут уже достаточны рабочие наши колонны и обыкновенные военно-полицейские меры, когда вооруженное казачье население займет

очищенный край». (ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1159. Л. 11 об.).

Тактика выжженной земли.

В аналитических записках и книгах тех исследователей, которые считают своей первейшей обязанностью оправдать царскую политику в Черкесии, игнорируется вопрос о потерях среди мирного населения.

Тактика выжженной земли приняла совершенно тотальный характер в 1828 г. О количестве сожженных аулов дает представление барон Сталь: «Вся страна от верхней Кубани до р. Курджипса была предана пламени. 210 деревень, огромные запасы хлеба и сена уничтожены, значительная баранта захвачена». (Этнографический очерк черкесского народа. Составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник. Под ред. генерал-майора Потто. Т. XXI. Отд. II. Тифлис, 1900. С. 164).

Только под личным руководством Вельяминова в Западном Закубанье (Натухай и Шапсугия) на протяжении 1834-1837 гг. было уничтожено порядка 219 населенных пунктов. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6732. Карта следования войск действующего отряда за рекой Кубанью в 1834, 1835 и 1836 годах. Рисовал Тенгинского пехотного полка юнкер Романовский. В правом нижнем углу подпись: Генерал-Лейтенант Вельяминов. Масштаб: в английском дюйме 5 верст; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6733: Карта следования действующего отряда за Кубанью под начальством г-на генерал-лейтенанта Вельяминова в 1834, 1835, 1836 и 1837 годах. Чертил

роты топографов № 3-го топограф 2-го класса унтер-офицер Спицын. Масштаб: в английском дюйме 5 верст).

К этому списку 1834-1837 гг. (219 аулов), следует добавить еще, по меньшей мере, 28 аулов, уничтоженных подчиненными Вельяминову войсками в период с 1823 по 1825 гг. Получается 247 аулов.

Далекий от полного список «достижений» Засса состоит, по меньшей мере, из 21 уничтоженного аула. (АКАК. Т. VIII. С. 737-739, 741-746, 748-750, 755-760, 769; Т. IX. С. 446-447; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 267. Л. 7-8, 16-16 об.).

Сюда же добавляем еще, по меньшей мере, 20 аулов, уничтоженных атаманами Власовым и Бескровным в западных районах Черкесии.

Таким образом, за время начальствования А. А. Вельяминова, с 1823 по 1837 гг., царские войска уничтожили в Черкесии не менее 500 аулов.

В финальной фазе уничтожения Черкесии, в 1860 – 1864 гг., войска разграбили и сожгли не менее 350 аулов в ее западных районах и не менее 150 аулов в центральных районах. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6779. Л. 1; Богуславский Л. История Апшеронского полка. 1700-1892. Т. II. СПб., 1892. С. 320 – 332; История 45-го драгунского Северского его величества короля датского полка. Составил того же полка подполковник А. С. Корганов. Тифлис, 1884. С. 94 – 103; Введенский А. Действия и занятия войск Средне-Фарского отряда до сформирования Пшехского и этого последнего до ноября 1862 года // Военный сборник. 1866. № 7. С. 3 – 29; № 8.

С. 145 – 184. Гейнс К. Пшехский отряд с октября 1862 г. по ноябрь 1864 г. // Военный сборник. 1866. № 1. С. 3 – 58; № 2. С. 207 – 261; № 3. С. 3 – 50; № 4. С. 213 – 264; № 5. С. 3 – 40).

Итоговая цифра должна превышать отметку в 1000 (тысячу) населенных пунктов.

Среди этих сотен уничтоженных адыгских селений были поселения различного типа: в военных источниках они различаются как «огромные аулы» (до 1,500 дворов и более, уничтожение такого населенного пункта могло затянуться на несколько дней), «большие аулы» (200-300 дворов), «аульчики» (20-30 и более дворов), «хутора» (от нескольких до 10-15 дворов).

Почти всегда в тех случаях, когда черкесский населенный пункт уничтожался в ходе специально нацеленного против него рейда, метод уничтожения таков: крупный отряд пехоты, конницы и артиллерии тайком движется к намеченному на расправу аулу, подходит и окружает его в ночное время. С первыми лучами солнца следует артиллерийский обстрел, одновременно ракетные станки выстреливают зажигательные снаряды, затем в аул устремляются войска и начинается повальная резня. Потерь в войсках при этом методе практически не бывало.

Вот совершенно типичные воспоминания:

«Прежде чем запылало несколько саклей от гранат и ракет, казаки были уже за палисадом и началась резня. Испуганные неожиданностью нападения, и притом

спросонья, горцы метались как угорелые, однако, скоро опомнясь, дрались и отбивались отчаянно. В час времени все уже было кончено для аула и его жителей». (Шпаковский А. **Записки старого казака // Военный сборник. 1870. № 7 (Июль). Отд. I. С. 203).**

О набеге на аул Дженгета Наурузова во главе с генерал-майором П. А. Волковым: «Не прошло и часа, как в нескольких местах аул запылал, а вслед затем раздались в нем выстрелы, крики и стон... Возвратившиеся в аул из засады казаки довершили начатое... От большого и крепкого аула остались лишь обгорелые головни, да дым валил трубой, пробираясь вверх по деревьям... Пленных было захвачено около сотни, невзирая на то, что вообще линейцы недолюбливали брать в плен». (Шпаковский А. **Записки… // ВС. 1871. № 8 (Август). Отд. I.** С. 352).

Генерал-лейтенант Николай Раевский, командующий Черноморской береговой линии, в письме военному министру А. И. Чернышеву, с тревогой отмечал:

«Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами; но я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успеха завоеваний Пицара (Pizarre) и Кортеца (Cortez). Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в Русской истории кровавого следа, подобного тому, какой оставили эти завоеватели в истории Испанской». (Н. Н. Раевский – графу А. И. Чернышеву. 28 февраля 1841 года, № 65. Керчь // Архив Раевских. Т. IV. СПб., 1912. С. 96).

Рапорты, мемуары и другие источники сохранили для нас совершенно жуткую картину массового избиения и травли, устроенной силами, наверное, самой мощной военной машины мира, над населением некогда самой многолюдной и процветающей в агрикультурном отношении страны Кавказа.

Нанести максимальный ущерб системе жизнеобеспечения – важнейший метод ведения войны в Черкесии.

Вот совершенно типичная цитата:

«Долина Хабля была одна из самых населенных частей этого края; поля ее были засеяны фруктовыми садами, а в покинутых саклях замечались следы не только довольства, но даже богатства и прихотей. Кроме огромных запасов хлеба, который жители не успели вывезти, в соседних рощах хранились целые склады воска, меда и тысячи улей, свидетельствовавших, что пчеловодство было одним из любимейших промыслов края. И все это цветущее пространство предано было огню и истреблению». (Потто В. А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. Т. VIII. СПб., 1895. С. 55).

Блокада и провоцирование голода были предложены как главные инструменты подавления горцев А. А. Вельяминовым в 1833 г.:

«И так, главное дело состоит теперь в том, чтобы покорить народы, занимающие плоскости на северной стороне Кавказа. Голод есть одно из сильнейших к тому

средств. Чтобы произвести оный, нужно между прочим возбранить подвоз жизненных потребностей со стороны Черного моря… Истребление полей их в продолжении пяти лет сряду даст возможность обезоружить их и тем облегчить все дальнейшие действия». (Ответ генерала Вельяминова от 20 мая № 155-й на письмо командира отдельного Кавказского корпуса барона Розена от 13 мая 1833 г. № 279-й о представлении плана к окончательному покорению горцев. См.: Н. Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 149-150, 153-154).

В 1860 – 1864 гг. против населения Черкесии был предпринят весь «арсенал» способов и приемов ведения войны, выработанный кавказской армией на протяжении столетия.

Участник этой расправы М. И. Венюков:

«Война шла с неумолимою, беспощадною суровостью. Мы подвигались шаг за шагом, но бесповоротно и очищая от горцев, до последнего человека, всякую землю, на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями, едва лишь сходил снег, но прежде, чем деревья одевалися зеленью (в феврале и марте); посевы вытравлялись конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшие станицы и оттуда отправляемо к берегам Черного моря и далее, в Турцию. Сколько раз приходилось в опустевших при

нашем приближении хижинах заставать на столе теплую кашу с воткнутою в нее ложкою, починявшуюся одежду с невыдернутою иголкою, какие-нибудь детские игрушки в том виде как они были разложены на полу, около ребенка. Иногда – к чести, впрочем, наших солдат, очень редко, – совершались жестокости, доходившие до зверства… Жестокости эти были тем возмутительнее, что были совершенно не в духе доблестных русских солдат – обыкновенно столь добродушных». (Венюков М. И. К истории заселения Западного Кавказа. 1861 – 1863 гг. // Русская старина. СПб., 1878. Кн. VI (июнь). С. 249 – 250).

Методы устрашения.

Царским командованием в Черкесии применялись самые жестокие методы устрашения. Одним из таковых стала практика отрезания голов у погибших черкесов. Приведем ряд сообщений очевидцев.

«Трофеями этого дня были несколько трупов горцев, у которых отрубили головы, завернули и зашили в холст. За каждую голову Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлялись в Академию Наук. Поэтому за каждого убитого горца была упорная драка… Драка за трупы и отрезывание голов вошли в нравы и обычаи Кавказских войск. На первый раз, несмотря на воодушевление новизной картин и впечатлений, вид завернутых в холст голов, привязанных к концу казачьих пик, вызвал у меня чувство гадливости и омерзения». (Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М., 1885. С. 127).

«Засс, по обычаю, приказал отрезать головы убитых и с этим трофеем возвратился в свой Прочный Окоп. Через год после того, я встретил генерала Засса в Ставрополе. Он ехал на санях, а другие сани, закрытые полостию, ехали за ним. «Куда это, ваше превосходительство, и что вы везете»? – «Еду, земляк, в отпуск и везу Вельяминову в сдачу решенные дела». С этим словом он открыл полость, и я не без омерзения увидел штук пятьдесят голых черепов. Вельяминов отправил их в Академию Наук». (Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. С. 102.).

«Местопребывание Засса, крепость Прочноокопская, повергало в ужас не только закубанцев, но и всех проезжающих. Она окружена была высоким валом с частоколом по гребню, на котором во многих местах торчали головы черкесов». (Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Под ред. генерал-майора Потто. Тифлис, 1900. С. 150).

Изгнание черкесов в Турцию.

У той расправы, которая была осуществлена над черкесами в 1860 – 1864 гг., имелась достаточно укорененная идейная и политическая основа.

Наиболее влиятельный российский военачальник и сановник фельдмаршал Паскевич уже в 1830 г. предлагал аннексировать весь Натухай (западный район Черкесии), с целью создания так называемого «операционного базиса». После занятия Натухая планировалось изгнать из него все население. Затем этот «базис» должен был «служить основанием к

покорению шапсугов и для дальнейшего очищения земель на юго-восток по обеим сторонам хребта». (Сакович П. М. Новицкий Г. В.: биографический очерк (1800-1877 гг.) // Русская старина. Т.22. СПб., 1877. С. 297).

Это «очищение… по обеим сторонам хребта», начиная с крайней западной оконечности Главного Кавказского хребта, по сути, являлось планом полного уничтожения Черкесии.

В 1834 г. Паскевич продолжал рекомендовать Николаю I:

«Когда народы непокорные, обитающие ныне на плоскости за Кубанью, против Черномории, уйдут в отдаленные горы; или будут переселены в Россию и частью истреблены войною, то места их населять черноморскими казаками. Но как сих последних мало, то принять меры добавлять их число переселенцами из малороссийских казаков». (Всеподданнейшая докладная записка генерал-фельдмаршала князя варшавского от 24 марта 1834 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6288. Л. 15 об. – 16).

В 1857 г. военный министр Александра II Д. А. Милютин сформулировал план полного уничтожения Черкесии:

«Никакого туземного населения в этих долинах терпеть не следует, так что вся горная полоса, от верховий Теберды до р. Белой, а потом до Пшиша, должна быть совершенно пустынной. Только этим средством мы достигнем окончательного разъединения покорных племен центральной части Кавказа от непокорного

закубанского населения и обеспечим занятую казаками равнину от прорывов хищного неприятеля. Между тем, и с другой стороны нам предстоит в самом непродолжительном времени вытеснить натухайцев из треугольного пространства, замыкаемого нижней Кубанью, берегом моря и новой Адагумской линией. Пространство это также заселится казаками азовскими, черноморскими и донскими: первые из них составят исключительно приморское население, которого главным назначением будет мореходство; черноморцы и донцы займут внутренность края, который будет для Черномории чрезвычайным приобретением, в особенности по изобилию леса; когда займется казаками все пространство до самого Адагума, тогда можно будет снова передвинуть передовую линию еще вперед и таким образом стеснить постепенно непокорных горцев и с востока и с запада». (Дополнительное пояснение к записке, представленной военному министру начальником главного штаба Кавказской армии, свиты его величества ген.-м. Милютиным, при рапорте, от 29 ноября 1857 г., № 365, о средствах к развитию русского казачьего населения на Кавказе // АКАК. Т. XII. Ч. 1. С. 763).

Система, предложенная Милютиным, уже давно осуществлялась на практике: «Сами горцы привыкли уже к тому, что пространства, на коих водворено казачье население, окончательно и навсегда остаются за нами». (Там же).

Депортация натухайцев, спланированная еще Паскевичем в 1830 г., повторно была спланирована командованием в 1857 г.

«По значительности означенных работ, – писал генерал-адъютант князь Барятинский, – только в 1860 году может быть приступлено к окончательному изгнанию натухайцев и к заселению их края в обширных размерах. Это последнее предприятие должно занимать одно из важнейших мест в общем плане будущих наших действий на Кавказе, ибо в случае новой войны внешней, морской берег между устьями Кубани и Геленджикскою бухтою доставит неприятелю выгоднейшее против нас основание действий, если мы оставим этот край в обладании внутренних наших врагов». (Предположение о действиях и занятиях войск Отдельного Кавказского корпуса с осени 1857 по осень 1858 г. // РГВИА. Ф. 846. Д. 6669. Л. 15).

Наряду с Д. А. Милютиным и А. И. Барятинским, одним из главных вдохновителей изгнания непокорных черкесов был командующий войсками правого фланга Кавказской линии и Черномории генерал Н. И. Евдокимов.

Наиболее важным источником, характеризующим российскую концепцию аннексии Черкесии, является отчет гр. Евдокимова о военных действиях с 1-го июля 1863 г. по 1-е июля 1864 г. Задачи на этот период ставились следующим образом: «удалить туземцев, оставшихся в горном пространстве между Пшехою и Пшишем, занять весь вообще край между сею последнею и Шебшем, и таким образом, очистив

совершенно всю северную покатость от неприятельского нам населения, водворить на ней русских переселенцев». (Отчет гр. Евдокимова о военных действиях, исполненных в Кубанской области в период времени с 1-го июля 1863 г. по 1-е июля 1864 года // Кумыков Т. Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 49).

Самые распространенные действия в рассматриваемом документе: «уничтожить», «изгнать», «очистить», «удалить».

Анализ источников, в том числе и отчета Евдокимова, не оставляет сомнения в том, что черкесы всеми силами пытались остаться на родине и покидали ее лишь под тотальным военным натиском. Приведем характерный в этом отношении отрывок: «С 15-го по 19-е сентября (1863 г.) отдельные колонны исходили все местности по обе стороны главного хребта, от Адагумской линии до Абина и Геленджика, куда в течение весны и лета возвратилось значительное число туземцев, уничтожили все найденные запасы и постройку, и в видах окончательного изгнания последних горцев произвели движение по разным направлениям». (Там же. С. 55).

Текст отчета изобилует примерами того, что однажды изгнанные и испытавшие все ужасы погрома, адыги возвращались на свои пепелища либо пережидали, а, точнее, пытались переждать глобальное наступление во временных жилищах в труднодоступных районах: «а силы Пшехского и Даховского отрядов обратить к изгнанию туземцев, водворившихся во временных

жилищах по вершинам Пшехи и Пшиша и между этими реками».

Во второй части отчета, в которой сообщается о военных действиях в первой половине 1864 г., вновь многократно поднимается тема необходимости повторного изгнания. Войска расходились по разным направлениям и по секторам прочесывали все пространство Западного Кавказа: «не осталось ли где-нибудь в трущобах горских жилищ».

Начальных штаба войск Кубанской области в своем приказе от 8 августа 1864 г., адресованном начальнику Шапсугского округа, писал: «Командующий войсками усмотрев из рапорта Вашего Высокобл. Нач. Шапсуг. округа, от 24 июля №499, что шапсуги, жившие в верховьях р. Туапсе удалились с своих мест жительства и в настоящее время в большом количестве скитаются в ущельях, между Ту и Папаем, поручил мне просить Ваше Высокоблагородие, совместно с командиром Абинского Конного полка Кубанского казачьего войска, с которым вместе с сим сделано сношение, произвести поиск в окрестностях названной местности для открытия скрывающихся там горцев и передачи их в распоряжение Нач. Натухайского округа для переселения в Турцию». (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 210. Л. 3).

Генерал И. С. Кравцов, ветеран Кавказской войны, обосновывает приоритетную роль Евдокимова: «Я уже доказал выше и подробно, в первых главах моей статьи, что мысль об изгнании черкесов в Турцию принадлежала графу Евдокимову и никому более, что он сам выполнил

ее в точности и о чем тоже упоминается в приведенной мною высочайшей грамоте. Я не спорю, что может быть кто-нибудь писал об этом и ранее Евдокимова; охотников до проектов в то время было много. Но граф Евдокимов не только составил об этом свое предположение, одобренное самим государем Александром II, но и привел его в точное исполнение». (Кравцов И. С. Кавказ и его военачальники: Н. Н. Муравьев, князь А. И. Барятинский, граф Н. И. Евдокимов. 1854-1864. – М.: «Индрик», 2007. С. 63).

Генерал М. Ольшевский, участник военных действий против черкесов в последние годы Кавказской войны, отстаивал приоритетную роль фельдмаршала Барятинского: «Не по почину ли князя Барятинского приведена в исполнение строгая, но, увы, необходимая мера, породившая много толков и порицаний – это насильственное переселение горцев в Турцию и водворение на Западном Кавказе христианского населения? Недоброжелатели князя А. И. Барятинского выставляли эту меру не только жестокой, бесчеловечной, а даже вредной, в том собственно отношении, что этим переселением мы дали туркам большой и воинственный контингент». (Ольшевский М. Кавказ… С. 425-426).

Свидетельства об изгнании.

«Поразительное зрелище представилось глазам нашим по пути, – разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуобъеденные собаками; изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие

ноги от слабости, падавшие от изможденія и еще заживо делавшиеся добычею голодных собак… Живым и здоровым некогда было думать об умирающих: им и самим перспектива была неутешительнее: турецкие шкиперы, из жадности, наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочермы до берегов Малой Азии, и, как груз выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни. Волны выбрасывали трупы этих несчастных на берега Анатолии... едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество». (Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 457).

Чиновник кавказского наместничества Адольф Берже ужаснулся черкесской трагедии: «Никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17,000 человек. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между горцами эпидемия тифа и оспы, делали положение их отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся со смертью в то время, как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупа матери. А подобных сцен встречалось немало…». (Берже Ад. П. Выселение горцев с

Кавказа // Русская старина. 1882. Т. 33. Кн. 2. С. 362 – 363).

«Тесно скученные в тысячных массах на небольшой равнине, возле Вельяминовского форта под открытым небом, пронизываемые постоянно холодным ветром, обливаемые частыми дождями, терпя недостаток в продовольствии и оставаясь без горячей пищи, дети, женщины и старики начали сильно болеть и умирать, в особенности от тифа и дизентерии. Большие и частые могилы свидетельствовали о множестве жертв, погибших на родном берегу». (Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Журнал «Звезда», 2003. С. 550).

А. Староставский приводит воспоминания ветерана войны в Черкесии:

«Мы решились изгнать их, очевидно, в виду затруднений или неуменья устроить дело так, чтобы, продолжая по прежнему жить в горах, вдоль берега Черного моря, они могли стать полезными, или, по крайней мере, безвредными для государства… Изгнание их было решено в качестве государственной необходимости; в перевозке на турецких фелюгах усмотрен самый удобный или даже единственно возможный способ исполнения… Нужны были особенно крепкие нервы и немалая доля самообладания, чтобы в бессилии своем оставаться спокойным зрителем того, что совершалось на этом берегу. Верстах в двух-трех от впадения речки в море, по течению ее, на песке и голышах, наносимых половодьем, неделями оставались партии бесприютных, лишенных крова и очага. По нескольку тысяч душ

помещались одновременно на небольшом пространстве, отведенном им для стоянки и наблюдавшемся военными постами. Дни и ночи проводили они то под палящими лучами солнца, то под дождем и ветром… Атмосфера заражена была от накопления на небольшом пространстве животных и всяких других отбросов.

Так совершался разгром, разгром полный и бесповоротный – того, что строилось и крепло веками… И не единицами, не десятками, а сотнями и тысячами приходилось считать погибающих в этом катаклизме. Болезни и всякие невзгоды унесли многих еще до посадки на суда; скольких не досчитались при высадке на турецкий берег, после 15 и более дней плавания в самых ужасных условиях – это никогда не было выяснено; да и зачем? Очень многим, наконец, преимущественно в младшем возрасте, пришлось лечь искупительными жертвами приспособления к совершенно новым условиям жизни в суровой природе возвышенных малоазиатских плоскогорий...

Все это, т.е. бедствия, день-за-день переживаемые переселенцами, и перспектива предстоящих им впереди, было очевидно и понятно для нас, ближайших свидетелей погрома. Сердце сжималось и болело. Но, повторяю опять, в чем должна была здесь проявиться наша деятельность, в чем могли выразиться наше участие, наша помощь? Время от времени докладывали мы, что следовало бы, по крайней мере, более обеспечить переселенцев топливом, солью и другими предметами насущной потребности, или расширить район дозволенных им передвижений до первых

предгорий, не лишенных древесной растительности. Генерал наш сначала благосклонно выслушивал доклады, и, кажется, делал какие-то попытки с своей стороны; но потом стал обнаруживать явное нетерпение, резко отвечая, что все это не наше дело, что он только исполнитель; распоряжения же исходят от высшего начальства, которое знает, что делает, неуклонно преследуя свой план, внушенный высшими соображениями государственной необходимости.

Государственная необходимость – громкое, страшное слово! – Сколько на свете дел, совсем не вяжущихся с христианскою моралью, совершалось под его прикрытием в исторической жизни народов, от времен отдаленнейших до событий нам современных».

(Староставский А. В горах. Из давних воспоминаний // Вестник Европы. 1896. № 3. С. 198 – 208).

В мемуарах Льва Александровича Тихомирова, уроженца крепости Геленджик, выдающегося русского мыслителя, очевидца и исследователя черкесской катастрофы, читаем:

«Этот план, похожий на убийство одним народом другого, представлял нечто величественное в своей жестокости и презрении к человеческому праву…

Черкесы, когда уже совсем растерялись и пали духом, в большинстве пассивно смотрели на совершающееся, не сопротивляясь, но и не уходя. Не сразу можно было подняться, не сразу можно было даже сообразить, что делать, куда уходить. Но размышлять долго им не

давали. Во все районы посылали небольшие команды, и эти в свою очередь разбивались на группы по нескольку человек. Эти группки рассеивались по всей округе, разыскивая, нет ли где аулов, или хоть отдельных саклей, или хоть простых шалашей, в которых укрывались разогнанные черкесы. Все эти аулы, сакли, шалаши сжигались дотла, имущество уничтожалось или разграблялось, скот захватывался, жители разгонялись – мужики, женщины, дети – куда глаза глядят. В ужасе они разбегались, прятались по лесам, укрывались в еще не разграбленных аулах. Но истребительная гроза надвигалась далее и далее, настигала их и в новых убежищах.

Обездоленные толпы, все более возрастая в числе, бежали дальше и дальше на запад, а неумолимая метла выметала их также дальше и дальше, перебрасывала наконец через кавказский хребет и сметала в огромные кучи на берегах Черного моря.

Отсюда все еще оставшиеся в живых нагружались на пароходы и простые кочермы и выбрасывались в Турцию. Это пребывание на берегу было не менее ужасно, потому что пароходов и кочерм было мало.

Переселявшихся за море было свыше полумиллиона. Нелегко можно найти перевозочные средства для такой массы народа, и злополучные изгнанники по целым месяцам ждали на берегу своей очереди. Да о заготовке перевозочных средств никто и не подумал своевременно…

Вся эта дикая травля – не умею найти другого слова – тянулась около четырех лет, достигши своего апогея в 1863 году. Бедствия черкесов не поддаются описанию. Убегая от преследований, они скитались без крова и пищи, зимой – при двадцатиградусном морозе. Зимы, как нарочно, были необычайно холодные. Среди черкесов стали развиваться опустошительные болезни, особенно тиф. Семьи разрознялись, отцы и матери растеривали детей. Умирали под открытым небом и в норах. Рассказывали, что наши натыкались на случаи употребления несчастными человеческого мяса.

Я говорю об ужасах изгнания горцев как очевидец. Когда понуждения к их выселению докатились и до Новороссийска, все горы, окружавшие Цемесскую долину и бухту, задымились столбами дыма от выжигаемых аулов, а ночью всюду сверкали иллюминацией пожаров. Мы даже не подозревали, что наши горы были так густо заселены. Дым подымался и огонь сверкал чуть не в каждом ущелье. Эта зловещая картина стояла перед нашими глазами, пожалуй, так в течение месяца…

Сколько горцев погибло за это время от всяких лишений, голода, холода и болезней – это известно одному Господу. Подсчитывать трупы по лесам и всяким трущобам было и некому, да и невозможно. Даже на берегу, где горцы находились уже под нашим надзором, массы умирающих закапывали поспешно и без внимательного подсчета. Думали только о том, чтобы трупы тифозных не распространили заразы. Отец показывал мне впоследствии места, где их зарывали (по

ту сторону бухты), говорил, что трупы засыпались негашеной известью, что их было множество, но точного числа никому не называл…

Таких истреблений целого народа, как на Западном Кавказе, история назовет немного… Таким образом, огромный, богатый, чарующий красотой край был радикально «очищен» от населения, жившего там в течение тысячелетий».

(Смолин М. Б. Очерки имперского пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX – первой половины XX века. М.: Журнал «Москва», 2000. Цит. по: http://khmelev.livejournal.com/81944.html).

Выводы.

Проблемой наших современных кросс-культурных коммуникаций является неизживание тяжелейшего наследия Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе.

В последней трети XIX в. и в начале XX в. совершенно подавляющим оставался имперский бравурный подход, в рамках которого было невозможно приблизиться к гуманистической оценке черкесской трагедии. В советское время это было невозможно из-за тотального идеологического давления.

В постсоветский период сфера исторических исследований в нашей стране осталась в высокой степени политизированной, а в последние годы усиливающееся давление идеологии и практики

политического истэблишмента на исследования в области российской истории стало доминирующим трендом.

Наметившийся отказ от свободы в выражении оценок исторических событий, особенно это касается политической истории страны в XX веке, транслируется в весьма навязчивой форме на те научные сообщества, которые занимаются изучением Кавказа.

В рамках сформировавшегося тренда роль Российской империи в истории народов Северного Кавказа оценивается как исключительно прогрессивная, а Кавказская война объявлена результатом происков зарубежных сил. Идеологические конструкты такого рода возвращают нас в 1946 – 1953 гг., когда изучение политической истории Кавказа было попросту невозможно.

Кроме того, данный подход не оставляет пространства для принятия властными институтами такого решения, которое будет основой для общественного согласия.

Ведущий научный сотрудник отела этнологии и народного искусства, кандидат исторических наук
С.Х. Хотко

Сопутствующие документы:

КЪЭРАЛЫГЪО МЫЛЪКУКІЭ ЛАЖЬЭРЭ
АДЫГЭ РЕСПУБЛИКЭМ
ИКЪУЛЫКЪУШІАПІЭУ «ГУМАНИТАР
УШЭТЫНХЭМКІЭ АДЫГЭ РЕСПУБЛИКЭ
ИНСТИТУТЭУ КІЭРЭЩЭ ТЕМБОТ
ЫЦІЭКІЭ ЩЫТЫР»

Инд. 385000, къ. Мыекъуапэ,
Октябрьскэ ур., 13
Тел. 8 (8772) 52-16-23 Факс 8 (8772) 57-03-48
Web сайтыр: www.arigi.ru E-mail: arigi@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ
«АДЫГЕЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМЕНИ Т.М. КЕРАШЕВА»
Инд. 385000, г. Майкоп,
ул. Краснооктябрьская, 13
Тел. 8 (8772) 52-16-23 Факс 8 (8772) 57-03-48
Web сайт: www.arigi.ru E-mail: arigi@mail.ru

№ 101 «22» 05 2013 г.

На № _____

Члену Совета Федерации
Федерального Собрания
Российской Федерации
Кажарову А.Х.

Уважаемый Альберт Хатуевич!

В ответ на Ваше письмо от 07 мая 2013г. №07-48/АК сообщаем, что наши специалисты внимательно изучили «Обращение черкесских организаций Адыгеи, КЧР и Краснодарского края к Президенту РФ и Федеральному Собранию РФ». В ходе обсуждения мы пришли к выводу о необходимости принятия взвешенных мер для разрешения ряда политических проблем, связанных с черкесским вопросом.

Заключение (приложение на 20л., 2 карты) подготовлено ведущим научным сотрудником отдела этнологии и народного искусства, кандидатом исторических наук С.Х. Хотко.

С уважением,
директор института Б.М. Берсиров

Обращение черкесских организаций Адыгеи, КЧР и Краснодарского края к Президенту РФ и Федеральному Собранию РФ